

Patricia
HIGHSMITH

1921 – 1995

Патриция
ХАЙСМИТ

*Незнакомцы
в поезде*

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
X 15

Patricia Highsmith
STRANGERS ON A TRAIN
First published in 1950
Copyright © 1993 by Diogenes Verlag AG Zürich
All rights reserved

Перевод с английского Евгении Алексеевой

Школа перевода
В. Баканова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-21398-2

© Е. Ю. Алексеева, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

1

Яростно отстукивая колесами рваный ритм, по прерии мчался поезд. Он притормаживал на станциях, которые делались все мельче и встречались все чаще, нетерпеливо выжидал положенные минуты и вновь продолжал свой натиск. Однако пейзаж за окном на протяжении часов был неизменным — прерия колыхалась огромным буро-розовым одеялом, что встряхивали небрежной рукой. Чем быстрее шел поезд, тем сильнее расходились дразнящие волны.

Гай отвел взгляд от окна и откинулся на сиденье.

Мириам наверняка будет тянуть с разводом. Это в лучшем случае. Она вполне может решить, что ей не нужен развод, только деньги. Удастся ли ему вообще расторгнуть этот брак?

Гай чувствовал, как ненависть парализует его мысли. Все пути выхода из ситуации, казавшиеся такими логичными в Нью-Йорке, теперь превращались в тупики. Там, впереди, уже совсем близко, буквально чувствовалось присутствие Мириам. Мириам розовощекой и веснушчатой, пышущей нездоровым жаром, как прерия за окном вагона. Мириам угрюмой и жестокой.

Он машинально потянулся за сигаретой, в очередной раз вспомнил, что в вагоне нельзя курить,

и все же достал. Дважды стукнул ею по циферблату наручных часов, зачем-то посмотрел на время — пять часов двенадцать минут, как будто это имело какое-то значение, — зажал сигарету в углу рта и, бережно прикрывая ладонью огонек спички, закурил. Взгляд карих глаз то и дело устремлялся к окну, на раскинувшуюся за ним своенравную и удивительную прерию. Мягкий воротник рубашки слегка задрался, и отражение в оконном стекле с высоким белым треугольником у лица напоминало силуэт из прошлого столетия. Сходство усиливала и прическа — черные волосы пышной копной лежали на макушке, а сзади были коротко острижены. Прическа вкупе с длинным острым носом придавала профилю Гая решительную целеустремленность, а в фас это впечатление уравновешивалось тяжелыми, нависшими бровями, от которых веяло спокойствием и умением владеть собой. На нем были уже изрядно помятые фланелевые брюки, темный с фиолетовым отливом пиджак, свободно сидящий на худощавой фигуре, и небрежно повязанный шерстяной галстук помидорного цвета.

Вряд ли Мириам собралась бы рожать, если бы этого не хотела. Значит, они с любовником намерены пожениться. Но зачем она потребовала, чтобы он приехал? Для развода его присутствие не обязательно. И почему вот уже четыре дня, с того самого момента, как пришло ее письмо, он не может думать ни о чем другом? В письме было каких-то пять или шесть строчек округлым почерком: Мириам сообщала, что ждет ребенка и хочет встретиться. Ее беременность гарантирует полу-

чение развода, почему же он так нервничает? Самым мучительным было подозрение, что в нем говорит ревность: Мириам когда-то вытравила его ребенка и вот теперь собиралась родить от другого. Нет, дело не в этом. Его мучает стыд, только стыд за то, что он любил такую женщину. Он потушил сигарету о решетку радиатора. Окурок вылетел под ноги, и Гай пнул его подальше в угол.

Скоро все наладится. Будет развод, будет работа во Флориде. Руководство компании наверняка утвердит его проект, решение примут на этой неделе. И будет Анна. Они с ней уже могут строить планы на будущее. Больше года он мучительно ждал, когда же случится то, что освободит его, — и вот наконец дождался. Гай ощутил взрыв счастья и расслабился в бархатном кресле. Пожалуй, он ждал этого даже три года. Конечно, развод можно было купить, но он не располагал необходимой суммой. Нелегко начинать карьеру архитектора без постоянного места в фирме. Мириам не требовала, чтобы он содержал ее, зато находила другие способы отравить ему существование. Например, говорила в Меткалфе, что они по-прежнему любят друг друга и Гай заберет ее к себе в Нью-Йорк, как только там устроится. Иногда она писала ему с просьбой прислать денег — понемногу, но это все равно раздражало. Деньги он отправлял, понимая, что с нее станется развернуть против него в Меткалфе военную кампанию, а ведь в этом городе живет его мать.

На сиденье напротив плюхнулся высокий светловолосый молодой человек в ржаво-коричневом костюме и, рассеянно улыбаясь, подвинулся

в угол. Лицо у него было бледное, с мелкими чертами, и прямо посреди лба торчал огромный прыщ. Гай отвернулся к окну.

Новый сосед, похоже, не знал, то ли ему подремать, то ли завязать беседу. Его клонило в сон, локоть, на который он опирался, то и дело скользил по подоконнику, но стоило молодому человеку разлепить короткие ресницы, и он снова с рассеянной улыбкой смотрел на Гая покрасневшими серыми глазами. Похоже, он был пьян.

Гай раскрыл книгу, однако сосредоточиться на чтении не смог. Он взглянул на мигающие люминесцентные лампы под потолком, на незажженную сигару в костлявой руке соседа, на монограмму «ЧЭБ», на зеленый шелковый галстук, вручную расписанный пальмами кричащего оранжевого цвета. Долговязая ржаво-коричневая фигура беззащитно обмякла на сиденье, голова запрокинулась, и здоровенный то ли прыщ, то ли нарыв возвышался посреди лба, как горная вершина. Интересное лицо, хотя и непонятно почему. Не юное и не старое, не то чтобы умное, но и глупым не назовешь. Оно постепенно сужалось от высокого, выпуклого лба к впалым щекам и тонкогубому рту, глубоко в синеватых тенях глазниц маленькими раковинами скрывались сомкнутые веки. Щеки были гладкие, как у девушки, — пожалуй, даже как восковые. Словно все возможные изъяны кожи слились воедино и приняли форму этого огромного прыща.

Гай снова попытался читать. На этот раз слова обрели смысл и даже начали понемногу унимать беспокойство. Однако внутренний голос спросил,

много ли толку от Платона, когда предстоит иметь дело с Мириам. Гай уже задавался этим вопросом в Нью-Йорке, но все равно взял книгу, старый учебник из университетской программы. Ему хотелось найти для себя в поездке к Мириам хоть что-то приятное.

Он поглядел в окно, увидел свое отражение, опустил торчащий угол воротника. Анна всегда поправляла ему воротник. Гай вдруг почувствовал себя беспомощным вдали от нее. Он поерзал на сиденье и случайно задел вытянутую ногу спящего соседа напротив. Ресницы у того дрогнули, покрасневшие глаза раскрылись, и Гай подумал, что сосед вполне мог все это время наблюдать за ним из-под век.

— Извините, — пробормотал Гай.

— Да ничего. — Сосед выпрямился и резко встряхнул головой. — Где это мы?

— Въезжаем в Техас.

Сосед извлек из внутреннего кармана золотую фляжку, откупорил и любезно протянул Гаю.

— Спасибо, не надо, — проговорил Гай.

Сосед отхлебнул, слышен был плеск жидкости о металлические стенки. Гай поймал неодобрительный взгляд женщины, сидевшей через проход и с самого Сент-Луиса не поднимавшей глаз от вязания.

— Куда направляетесь? — Мокрые тонкие губы изогнулись в улыбке.

— В Меткалф.

— А... Хороший городок. По делу? — Сосед моргал красными глазами, изображая вежливый интерес.

— Да.

— И по какому же?

Гай нехотя оторвался от книги:

— Я архитектор.

— О... Дома, значит, строите?

— Да.

— Я ведь не представился. — Он чуть привстал. — Меня зовут Бруно. Чарльз Энтони Бруно.

Гай коротко пожал ему руку:

— Гай Хэйнс.

— Очень приятно. Вы из Нью-Йорка?

Хриплый баритон звучал фальшиво, словно Бруно говорил только для того, чтобы заставить себя проснуться.

— Да.

— Я сам с Лонг-Айленда. Еду в Санта-Фе отдохнуть. Бывали в Санта-Фе?

Гай покачал головой.

— Там можно расслабиться. — Бруно улыбнулся, обнажив гнилые зубы. — А касаясь архитектуры, дома там в основном индейские.

К ним подошел кондуктор.

— Это ваше место? — спросил он у Бруно.

— У меня купе в соседнем вагоне. — Бруно откинулся на спинку сиденья, всем своим видом показывая, что никуда не пойдет.

— Третий номер?

— Вроде да.

Кондуктор пошел дальше.

— Вот люди... — пробурчал Бруно.

Он оперся локтями на колени и с усмешкой стал глядеть в окно.

Гай хотел бы почитать, однако его отвлекало присутствие соседа — тот явно изнывал от скуки

и в любой момент мог продолжить навязываться. Гай раздумывал, не пойти ли в вагон-ресторан, но отчего-то остался на месте. Поезд опять замедлял ход. Заметив, что Бруно собирается что-то сказать, Гай ретировался в соседний вагон и соскочил на гравий прежде, чем состав успел полностью остановиться.

В первую секунду у него перехватило дыхание от ночного воздуха, куда более живого, чем в вагоне, густого и тяжелого от запахов. Пахло нагретым на солнце пыльным гравием, мазутом и горячим металлом. Гаю хотелось есть. Он размеренными шагами прогуливался вдоль вагона-ресторана, сунув руки в карманы и дыша полной грудью, хоть пахучий воздух и был ему неприятен. С юга на горизонте россыпью мерцали огни — красные, зеленые, белые. У Гая промелькнула мысль, что Анна наверняка тоже останавливалась здесь накануне по пути в Мехико. А ведь мог поехать с ней — она предлагала вместе доехать до Меткалфа. Он мог бы даже пригласить ее в свой дом на денек, познакомиться с матерью... Если бы не Мириам. Да к черту Мириам, если бы сам он был другим человеком, если бы он мог на все это наплевать. Он рассказал Анне о Мириам почти все, но не хотел, чтобы они встречались. Сама мысль об этом была невыносима. Он хотел поехать один, чтобы спокойно подумать. И что же? Много он надумал? Что толку от размышлений, что толку от логики, если имеешь дело с Мириам?

Кондуктор прокричал, что поезд отправляется; Гай помедлил и в последний момент вскочил на подножку вагона, следующего за рестораном.

Не успел официант принять у него заказ, как в дверях нарисовался тот самый навязчивый сосед. Он нетвердо стоял на ногах, а короткая сигарета в углу рта придавала ему несколько воинственный вид. Гай успел выкинуть его из головы, и теперь долговязая ржаво-коричневая фигура возникла перед ним, как неприятное воспоминание.

Заприметив Гая, Бруно улыбнулся и подвинул себе стул.

— А я уж боялся, вы от поезда отстали, — жизнерадостно сообщил он.

— Мистер Бруно, если вы не против, я бы хотел немного поразмышлять в спокойной обстановке.

Бруно затушил окурок, уже обжигавший ему пальцы, и тупо посмотрел на Гая. Он был пьянее прежнего. На небритых щеках грязными разводами темнела щетина.

— У меня в купе спокойная обстановка. Давайте там и пообедаем. Что скажете?

— Благодарю, я бы предпочел остаться здесь.

— Нет-нет, я настаиваю. Официант! — Бруно хлопнул в ладоши. — Пожалуйста, отправьте заказ этого господина в купе номер три, а мне принесите стейк средней прожарки и яблочный пирог. И еще два виски с содовой, если можно, побыстрее. — Он взглянул на Гая с рассеянной улыбкой. — Идете?

Поколебавшись, Гай встал и последовал за ним. В конце концов, какая разница? Его все равно уже тошнит от себя и своих мыслей.

Заказывать виски не было никакой необходимости, разве что ради льда и стаканов. Четыре бутылки с желтыми ярлыками стояли рядом на

чемодане крокодиловой кожи — единственная аккуратная композиция в форменном бедламе. Чемоданы, сундуки и портпледы громоздились в беспорядке, так что негде было шагу ступить, кроме маленького пятачка в самом центре этого лабиринта. Повсюду как попало валялись вещи — спортивная одежда, теннисные ракетки, набор клюшек для гольфа, пара фотоаппаратов, плетеная корзина с бутылкой вина и фруктами, уложенными на папиросную бумагу цвета фуксии. Сиденье у окна покрывала россыпь книг, журналов и комиксов. Гай также заметил коробку конфет, перевязанную алой ленточкой.

— У меня тут немного... по-спортивному, — констатировал Бруно с внезапным смущением.

— Ничего.

Гай заулыбался. Обстановка купе позабавила его, к тому же ему приятно было находиться в закрытом, уединенном пространстве. Улыбка преобразила его лицо — лоб разгладился, глаза под темными бровями заблестели. Он ловко ступал по лабиринту из чемоданов, осматриваясь с кошачьим любопытством.

Бруно протянул ему теннисную ракетку:

— Новехонькая. Ни разу не касалась мяча. Мать заставляет меня возить с собой это барахло. Надеется, что спорт отвлечет меня от баров. Ну и ладно, зато всегда есть что заложить, если вдруг деньги кончатся. В путешествиях я предпочитаю пить. Так ощущения богаче, вы не находите?

Принесли виски с содовой в высоких бокалах, Бруно щедро долил их из бутылки с желтым ярлыком.

— Садитесь, — пригласил он. — И пиджак снимайте.

Но оба продолжали стоять в пиджаках. Пару неловких минут они не знали, что сказать друг другу. Гай отхлебнул из бокала теперь практически не разбавленного виски, посмотрел на пол. Подумал, что у Бруно странные ступни. Возможно, дело в ботинках — небольших светло-коричневых ботинках с длинными мысами, такими же вытянутыми, как подбородок хозяина. Выглядели они несколько старомодно. И, вопреки первоначальному впечатлению, вблизи Бруно не смотрелся тощим. Ноги у него были тяжеловесные, да и сложение нехрупкое.

— Надеюсь, вы не в обиде, что я подсел к вам в ресторане? — осторожно спросил Бруно.

— Нет, что вы.

— Мне было одиноко.

Гай заметил, что, конечно, невесело ехать одному в купе, случайно зацепил что-то ногой — как выяснилось, ремешок фотоаппарата «Роллей-флекс». На боку кожаного чехла белела свежая царапина. Гай чувствовал на себе робкий взгляд Бруно. И зачем он только пришел, ясно же, что он умрет здесь со скуки! Надо было оставаться в ресторане. Но тут появился официант с накрытым подносом, разложил откидной стол, и от аромата жареного на углях мяса Гай немного приободрился. Бруно настоял, что счет оплатит он; пришлось уступить. Гаю принесли гамбургер, Бруно — стейк с грибной подливой.

— Что строите в Меткалфе?

— Ничего. У меня там мать живет.

— А, так вы в гости? — Бруно расспрашивал с неподдельным интересом. — Это ваш родной город?

— Да, я там родился.

— Со стороны и не скажешь, что вы из Техаса. — Бруно залил стейк и картошку кетчупом и аккуратно взял пальцами стебелек петрушки. — Давно дома не были?

— Года два.

— А отец ваш тоже там?

— Мой отец умер.

— О... И какие у вас отношения с матерью?

Гай ответил, что хорошие. Вкус виски, хоть Гай и не любил его, был сейчас ему приятен, потому что напоминал об Анне. Если она вообще пила, то исключительно виски, напиток ей под стать — золотой, полный света, настоящее произведение искусства.

— Где вы живете на Лонг-Айленде? — поинтересовался Гай у Бруно.

— В Грейт-Неке.

Анна тоже жила на Лонг-Айленде, только по-дальше.

— Я зову свой дом конурой, — продолжал Бруно. — Он окружен зарослями собачьего дерева¹, и все его обитатели чем-то напоминают побитых собак. Все, вплоть до шофера! — Он вдруг искренне захохотал и опять склонился над тарелкой.

Гай видел только его макушку с редующими волосами и торчащий на лбу прыщ — чудовищно большой и отвратительный прыщ, который

---

¹ *Собачье дерево* — народное название кизила в англоязычных странах. — *Здесь и далее примеч. перев.*

как-то не бросался в глаза с момента встречи в ресторане, зато теперь буквально притягивал взгляд.

— И почему же? — спросил Гай.

— Папаша умеет обласкать. Ублюдок... А вот с матерью у меня, как и у вас, все хорошо. Она приедет в Санта-Фе на пару дней.

— Прекрасно.

— Да, прекрасно! — воскликнул Бруно так, будто Гай с ним спорил. — Мы с ней отлично ладим. Сидим болтаем, играем в гольф. Бывает, даже на вечеринках вместе появляемся. — Он хохотнул с немного смущенным, но гордым видом и вдруг показался совсем молодым и неуверенным в себе. — Вам, наверное, смешно?

— Нет, — ответил Гай.

— Одно плохо: своих денег у меня нет. Вообще-то, с этого года я уже должен получать собственный доход, но папаша меня его лишил! Переводит мои деньги себе в казну. Не поверите, денег у меня сейчас не больше, чем во время учебы на всем оплаченном. То и дело приходится у матери сотню просить.

— Ну почему же вы не позволили мне оплатить счет!

— Да нет, я не к тому! Я говорю, меня грабит собственный отец, как вам такое? А ведь это даже не его деньги, это наследство матери!

Он явно ожидал от Гая поддержки.

— А что же ваша мама, почему она не вмешивается?

— Папаша записал все на свое имя, когда я еще ребенком был! — хрипло воскликнул Бруно.

— А... — Гай подумал, что он не первый случайный знакомый, которого Бруно потчует обедом за свой счет и этой историей. — Почему же он так с вами поступает?

Бруно с безнадежным видом развел руками и спрятал их в карманы.

— Говорю же, ублюдок. Все под себя гребет. Заявляет, что ничего мне не даст, потому что я бездельник. Нашел оправдание! Просто он считает, что мы с мамой слишком хорошо живем, и ищет способы, как бы нагреть на нас руки.

Гай представил себе Бруно рядом с матерью, наверняка моложавой светской львицей, которая злоупотребляет тушью для ресниц и, как и сын, умеет покутить.

— А где вы учились?

— В Гарварде. Меня оттуда выперли на втором году. За пьянки и азартные игры. — Бруно передернул щуплыми плечами. — Вы-то небось не из таких. Ну да, я тунеядец, что с того?

Он разлил виски по бокалам.

— Я не называл вас тунеядцем.

— Зато папаша называет. Ему бы благоразумного сыночка вроде вас, все были б счастливы.

— Почему вы решили, что я благоразумный?

— Ну, вы серьезный, профессию себе выбрали, архитектором работаете. А мне вот не хочется работать. Мне это не нужно, понимаете? Я не писатель, не художник, не музыкант. Зачем человеку работать, если нет необходимости? Язвю я себе наживу более приятным путем. Папаша вот уже нажил. Ха! Он все мечтает, что я продолжу его бизнес. А я ему говорю, что его бизнес, любой биз-

нес — это узаконенное перерезание глоток. Как брак — это узаконенный блуд. Разве я не прав?

Гай бросил на него ироничный взгляд и посыпал солью наколотый на вилку ломтик картошки фри. Он жевал не спеша, получая удовольствие от еды и даже в какой-то степени от общества Бруно — как будто наблюдал представление комедианта на далекой сцене. На самом деле мысли его занимала Анна. Временами мечты о ней, не оставившие Гая, казались более живыми и настоящими, чем окружающая действительность, которая лишь иногда пробивалась в его сознание острыми краями, отдельными картинками — как, например, царапина на чехле дорогой фотокамеры, длинная сигарета Бруно, затушенная в куске сливочного масла, разбитое стекло в рамке отцовского портрета, который Бруно однажды демонстративно вышвырнул из комнаты и теперь гордо этим хвастался... А ведь можно успеть повидаться с Анной в Мехико перед поездкой во Флориду. Если побыстрее утрясти дела с Мириам, полететь в Мехико самолетом, а потом самолетом же добраться до Палм-Бич. Эта идея не приходила в голову раньше, потому что раньше Гай не мог позволить себе такие путешествия. Но если контракт в Палм-Бич с ним все-таки заключат, почему бы и нет?

— Он запер в гараже мою машину! Вы представляете, насколько это оскорбительно? — Голос Бруно сорвался на визгливой ноте.

— Зачем?

— Да просто потому, что она была мне в тот вечер нужна! В итоге меня забрали друзья, так что ничего он не добился!

Гай не знал, что сказать.

— А он что, держит ключи у себя?

— Он забрал мои! Прямо из комнаты! Вот почему он меня так испугался. Даже из дому удрал с перепугу. — Бруно сидел вполоборота и грыз ноготь, тяжело дыша; потные пряди волос топорщились надо лбом, как антенны. — А все потому, что матери не было дома, при ней он бы себе такого не позволил, конечно.

— Конечно, — сам того не желая, эхом повторил Гай.

Весь их разговор был прелюдией к этой истории, в которой Бруно наверняка многое умолчал. Вот что скрывалось за покрасневшими глазами попутчика, за его грустной улыбкой — еще одна история несправедливости и вражды.

— Значит, вы швырнули его фотографию в коридор? — зачем-то переспросил Гай.

— Да, вышвырнул ее из комнаты матери. — Бруно подчеркнул три последних слова. — Он ведь сам ее туда поставил. Мама любит Капитана не больше моего. Капитан!.. Нет уж, брат, я его так не зову!

— Но почему он так себя с вами ведет?

— Не только со мной, с матерью тоже! Он не такой, как мы, — вообще не такой, как нормальные люди! Ему никто на свете не нравится. Он любит только деньги. Он перерезал много глоток и разбогател. Ну да, он умный, признаю. Но совесть у него нечиста. Вот почему он так хочет втянуть меня в свой бизнес — чтобы я тоже резал глотки и чувствовал себя сволочью!

Бруно судорожно сжал кулак, стиснул зубы, закрыл глаза. Гай даже подумал, что он сейчас за-

плачет, но Бруно разлепил припухшие веки и снова робко улыбнулся:

— Что, навел я на вас тоску, а? Просто хотел объяснить, почему собрался в такой спешке, не дожидая маму. На самом деле я веселый парень, честное слово!

— Разве вы не можете уехать от отца, когда пожелаете?

Бруно как будто не сразу понял вопрос, а потом ответил спокойным тоном:

— Конечно могу. Но мне нравится жить с матерью.

«А мать, видимо, не уходит от мужа из-за денег», — предположил Гай и полез в карман.

— Сигарету? — Он протянул Бруно пачку.

Оба закурили.

— Знаете, он тогда сбежал от меня, а до этого, наверное, лет десять все вечера сидел дома. Даже не представляю, куда он пошел. Я был так зол, что вполне мог убить его. У вас никогда не возникало желание кого-нибудь убить?

— Нет.

— А со мной случается. Иногда чувствую, что способен прикончить папашу. — Он посмотрел в свою тарелку, продолжая смущенно улыбаться. — А знаете, какое у него хобби? Вот угадajte.

Гай не хотел угадывать. Он хотел, чтобы его оставили в покое, ему вдруг стало невыносимо скучно.

— Собирает формочки для печенья! — не выдержав, захихикал Бруно. — Честное слово! Они у него всех сортов и калибров — и пенсильванские, и баварские, и английские, и французские, и вен-

герских целая куча. Ими вся его комната забита. А над письменным столом в рамке висят формочки-зверушки — знаете, такое детское печенье, в коробках продается? Он написал президенту компании, которая их выпускает, и ему прислали весь набор! Век машин, надо же! — Бруно расхохотался и опустил голову.

Гай смотрел на него не мигая. Вид у Бруно был гораздо комичнее того, что он говорил.

— Он печет?

— А?

— Ну, печенье-то он печет?

Бруно загоготал громче прежнего, стянул с себя пиджак и бросил на чемодан. Когда веселье немного улеглось, он сказал неожиданно спокойно:

— Мать всегда его посылает: «Иди поиграй в свои формочки». — Гладкое лицо Бруно покрывал пот, как тонкая пленка масла. — Как вам обед?

— Превосходно, — искренне ответил Гай.

— Слыхали о компании «Бруно трансформинг» на Лонг-Айленде? Трансформаторы, инверторы, прочая электротехника?

— Да вроде нет.

— Ну, неудивительно. Хотя прибыль у нее небольшая. Вы вот деньгами интересуетесь?

— Не особенно.

— Извините за вопрос, сколько вам лет?

— Двадцать девять.

— Серьезно? Я бы дал больше. А как по-вашему, сколько мне?

Гай окинул его взглядом и предположил:

— Двадцать четыре, может, двадцать пять.

По правде говоря, он решил польстить: на самом деле Бруно выглядел младше.

— Угадали, двадцать пять. Значит, я все-таки тяну на двадцать пять с таким-то украшением на лбу?

Бруно закусил нижнюю губу, в глазах у него вспыхнул испуг и острый стыд. Прикрыв лоб ладонью, он вскочил и метнулся к зеркалу.

— Я же хотел пластырь наклеить!

Гай попытался заверить его, что ничего страшного, но Бруно продолжал разглядывать прыщ в зеркале, морщась от омерзения.

— Это не обыкновенный прыщ, — изрек он гнусаво. — Это нарыв. Во мне бурлит ненависть, и так она прорвалась наружу. Это испытание Иова!

— Да ну вас, — отмахнулся Гай со смешком.

— Он начал вылезать в понедельник, как раз после нашей ссоры. И с тех пор все растет. Наверняка шрам останется.

— Нет, вряд ли.

— А я говорю — останется. И вот таким красавцем я приеду в Санта-Фе!

Бруно опустил в кресло, сжав кулаки и вытянув в сторону толстую ногу, и погрузился в трагические раздумья.

Гай подошел к сиденью у окна, взял книгу. Книга оказалась детективом — как и все остальные, валяющиеся на сиденье. Шрифт расплывался перед глазами. Похоже, алкоголь сильно ударил в голову. Впрочем, сегодня Гаю было все равно.

— В Санта-Фе я буду кутить на полную катушку, — заявил Бруно. — Вино, женщины, все такое прочее! Ха!

Хайсмит П.

Х 15 Незнакомцы в поезде : роман / Патриция Хайсмит ; пер. с англ. Е. Алексеевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-21398-2

Как часто мы бываем откровенны со случайными попутчиками, не догадываясь, что это может грозить... участием в преступлении! В поезде, мчащемся на Запад, молодой преуспевающий архитектор Гай заводит с мало-симпатичным незнакомцем ничего не значащий и ни к чему не обязывающий разговор, жалуясь на взаимоотношения с женой. И тот делает Гаю страшное и недвусмысленное предложение, от которого, как выясняется впоследствии, нельзя отказаться. На следующее утро все произошедшее кажется всего лишь дурным сном, но история только начинается, и вскоре Гай понимает, что его жизнь ему больше не принадлежит...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ПАТРИЦИЯ ХАЙСМИТ

НЕЗНАКОМЦЫ В ПОЕЗДЕ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.06.2022. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-VAK-30342-01-R